

«Против вульгаризации марксизма в археологии». [Сб. статей.] Ин-т истории материальной культуры АН СССР.— М., Изд-во АН СССР, 1953. 192 стр.

Вышедший в свет сборник статей (частично уже опубликованных в других изданиях) «Против вульгаризации марксизма в археологии» представляет интерес и для языковедов, поскольку в нем так или иначе ставятся вопросы, связанные с изучением древних этапов развития языков.

Сборник открывается кратким предисловием (стр. 3—8)¹, в котором в общих чертах отмечается большой вред, нанесенный археологии Н. Я. Марром и его последователями, ставятся некоторые общие задачи, связанные с изучением древнейшей истории народов нашей страны. Поскольку статьи сборника посвящены различным темам, во многих отношениях не связанным друг с другом, следовало бы ожидать от предисловия более развернутого и более конкретного анализа общего состояния советской археологии, особенно по вопросам этногенеза.

Сборник состоит из статей А. Д. Удальцова («Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке», стр. 9—18), П. Н. Третьякова («Произведения И. В. Сталина о языке и языкознании и некоторые вопросы этногенеза», стр. 19—50), А. В. Арциховского («Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии», стр. 51—69), П. И. Борисковского и А. П. Окладникова («О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя», стр. 70—93), А. Я. Брюсова («К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов», стр. 94—103), Т. С. Пассек («О марровских ошибках в изучении трипольских племен», стр. 104—118), Б. Б. Пиотровского («О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике», стр. 119—128), С. В. Киселева («О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века», стр. 129—140), Е. И. Крушнова («Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа», стр. 141—164) и Н. Я. Мерперта («Против извращений хазарской проблемы», стр. 165—190).

В нашу задачу не входит обзор всех этих статей по существу, поскольку это должно быть сделано специалистами-археологами. Поэтому ниже мы рассмотрим лишь те вопросы, которые имеют непосредственное отношение к проблемам языкознания и решению которых связано с данными языка.

Можно сказать, что в сборнике хорошо и убедительно раскрыты ненаучные «концепции» Н. Я. Марра в вопросах этногенеза, археологии и ранних этапов развития первобытно-общинного строя. Впрочем в тех случаях, когда авторы статей касаются лингвистических воззрений Н. Я. Марра, читатель-языковед не найдет для себя чего-либо нового. Развернутой критике подвергаются работы последователей Н. Я. Марра — В. И. Равдоникаса, В. И. Абаева и М. И. Артамонова. И все же читатель сборника, имеющего обобщающее название «Против вульгаризации марксизма в археологии», остается не вполне удовлетворенным.

Как в редакционном предисловии, так и в статьях проводится одна мысль: ряд археологов в разной степени оказался под влиянием «нового учения» о языке Н. Я. Марра, на их работах с к а з а л о с ь воздействие Н. Я. Марра, «новое учение» о языке нашло свое о т р а ж е н и е в археологии и освещении проблем этногенеза и т. д. Однако ограничивалось ли дело только «влияниями», «отражениями» и «заимствованиями»? Нет, этим дело не ограничивалось.

Среди археологов и этнографов были ученые, которые не только пассивно воспринимали теорию Н. Я. Марра, но и активно «развивали» ее на археологических и этнографических материалах, пресекали малейшие попытки критиковать марристские «концепции» в археологии и этнографии. В сборнике мы в общем не находим сколько-нибудь развернутой критики марристских ошибок, допущенных археологами в процессе их настоятельных и многолетних попыток «развить» дальше археологию на основе «учения» Н. Я. Марра (исключение составляет подробный разбор работ В. И. Равдоникаса и М. И. Артамонова). Авторы статей сборника, «отразившие» во многих своих работах установки Н. Я. Марра (к ним в предисловии отнесены А. Д. Удальцов, П. Н. Третьяков, П. И. Борисковский, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, С. В. Киселев), о собственных ошибках говорят очень мало и по большей части не конкретно. Так, например, в статье А. Д. Удальцова имеется лишь только одно очень неопределенное самокритическое упоминание: «Некоторые историки и археологи (и я в том числе), используя антимарксистскую языковую теорию Марра, внесли и в археологические и исторические наши построения ряд положений, искажающих, помимо освещения процессов языкового развития, процесс развития материальной культуры» (стр. 10). В чем конкретно выразилось искажение А. Д. Удальцовым процесса развития материальной культуры — для читателя остается неизвестным. Вряд ли можно полностью «искупить свою глубокую вину перед отечественной наукой» (стр. 10), оставляя в сто-

¹ Здесь и далее в тексте в скобках указываются страницы рецензируемого сборника.

роне подробный и принципиальный разбор собственных ошибок, ограничиваясь лишь самыми общими заявлениями.

П. Н. Третьяков в своей статье пишет, что больше всего марристских ошибок было допущено в вопросах этногенеза, добавляя: «Речь идет при этом не только о работах последователей Н. Я. Марра, но и о значительной части тех исследований по этногенезу, авторы которых не признавали „теории“ Н. Я. Марра, но тем не менее не сумели полностью уберечься от их пагубного влияния» (стр. 20). Такая неопределенная формулировка мысли, естественно, вызывает вопрос, относит ли себя автор к последователям Н. Я. Марра или к тем ученым, которые, не признавая «теории» Н. Я. Марра, все же делали ошибки марровского характера. Правда, на стр. 23 автор как будто склонен признать себя последователем Н. Я. Марра, поскольку он сообщает, что им и другими археологами «...были некритически восприняты некоторые общие, так сказать, „теоретические“ положения Марра, которые рассматривались в качестве марксистских, находящихся якобы в полном соответствии с трудами В. И. Ленина и И. В. Сталина по национальному вопросу», а ведь восприимчивость теоретических положений равнозначна следованию им.

Однако когда дело доходит до конкретного анализа марристских ошибок в работах по этногенезу, П. Н. Третьяков вновь делит исследователей на две упомянутые группы, фактически относя себя ко второй. К тем ученым, которые наиболее последовательно применяли «теорию» стадиальности Н. Я. Марра, он относит акад. Н. С. Державина. Конечно, верно, что Н. С. Державин в освещении славянского этногенеза широко использовал «теорию» стадиальности. По ошибочному мнению Н. С. Державина, славяне якобы сложились в результате «стадиальной трансформации», «перевоплощения» из фракийцев и других племен древности, находившихся «на яфетической стадии культурного развития». «У других историков и археологов, — продолжает П. Н. Третьяков, — занимающихся вопросами этногенеза, наблюдалось стремление ввести в марровскую „теорию“ значительные коррективы, которые бы позволили так или иначе примирить марровскую „теорию“ стадиальности с истинным ходом исторического процесса» (стр. 30). В качестве примера приводятся работы А. Д. Удальцова, который руководствовался «работами И. В. Сталина по национальному вопросу», но в вопросе о происхождении современных этнических групп стоял на позициях Н. Я. Марра, считая, что все они образовались на основе перехода от «яфетической стадии развития» к «новой стадии» (стр. 30—31). Сам П. Н. Третьяков не вводил термина «яфетическая стадия», но все же рассматривал скифов, фракийцев, иллирийцев, кельтов и других как непосредственных предков славян (стр. 31—32).

В таком (соответствующем действительности) изложении вряд ли можно усмотреть какое-либо существенное различие между взглядами по основному вопросу этногенеза акад. Н. С. Державина, с одной стороны, и А. Д. Удальцова и П. Н. Третьякова, с другой. И если Н. С. Державин прямо называл вещи своими «яфетическими» именами, а А. Д. Удальцов и П. Н. Третьяков по возможности избегали марристской терминологии и даже пытались «примирить» марровскую теорию с подлинным историческим развитием, то вред от завуалированных и несколько затуманенных марристских взглядов А. Д. Удальцова и П. Н. Третьякова был не меньший, а больший, чем от открытого яфетизма акад. Н. С. Державина.

Странным и непонятным кажется такое настойчивое подчеркивание «тени и света» между отдельными группами последователей Н. Я. Марра, когда речь идет о критическом разборе ошибочной концепции по вопросам этногенеза. Этим самым, конечно, мы вовсе не хотим сказать, что в работах названных археологов имелись только одни ошибки, и умалить их значительные достижения, основанные на анализе больших конкретных материалов.

Не менее неопределенно и в самых общих словах, без подлинного разбора собственных ошибок, делают самокритические замечания и другими авторами сборника, в свое время пропагандировавшими, как правильно указано П. И. Борисовским и А. П. Окладниковым, «культ Марра» (стр. 71). Нужно согласиться со словами С. В. Киселева, который пишет: «Непреодоленной до конца остается совершенно неправильная мысль о том, что ошибки в археологической работе стали сами собой очевидны в свете трудов И. В. Сталина и, следовательно, все усилия надо сосредоточить только на работе по-новому, ограничившись общим признанием старых ошибок» (стр. 129). Авторы сборника, специально посвященного критике вульгаризаторских взглядов в археологии, ограничились всего лишь самым общим признанием своих собственных ошибок и тем самым не пожелаали встать на путь подлинной самокритики. А «ведущий» в недавнем прошлом последователь Н. Я. Марра С. П. Толстов, как отмечается в сборнике, и вовсе уклонился от самокритики.

В сборнике поднят очень важный вопрос, имеющий большое значение и для исторического языкознания: о комплексном изучении происхождения современных этнических групп, о месте языковедных, археологических, этнографических и иных материалов в определении этнического состава древнего населения.

Главная и пока не преодоленная трудность не только решения, но даже основной постановки проблем этногенеза заключается в том, что до сих пор еще не вы-

работаны какие-либо надежные методы соотнесения, увязки данных истории материальной культуры и данных исторического языкознания. Археология получает все больше и больше возможностей воссоздать особенности развития производства, производительных сил, быта, искусства и т. д. населения отдаленных эпох, начиная с самых ранних этапов истории первобытно-общинного строя. Она совершенствуется в определении территории распространения тех или иных «материальных культур» и времени их существования, проливает некоторый свет на направление тех передвижений населения из одной местности в другую, о которых нет никаких свидетельств письменных источников и народных преданий. Благодаря значительным успехам советских археологов серьезно расширены и углублены наши сведения о многих локальных культурах на территории нашей страны, открыты новые культуры и т. д. Археология имеет в своем распоряжении то, что еще очень слабо представлено в языкознании: относительную хронологизацию и локализацию изучаемых ею объектов. Однако язык является основным, решающим (хотя и не единственным) признаком этнической принадлежности тех или иных групп древнего населения. Археологические культуры доисторических эпох, не соотнесенные с данными языка, этнически всегда будут безликими, «немыми», и какие бы предположения ни делались насчет их этнического характера, эти предположения больше будут относиться к фантастике (может быть, и очень увлекательной), чем к науке.

Известно очень много случаев, когда та или иная археологическая культура совершенно не совпадает с какой-либо этнической единицей. Полагают, например, что дьяковские городища Средней России с их очень однородным археологическим материалом частью принадлежали предкам восточных славян, частью же древним финно-угорским племенам. Никому еще не удалось, как пишет А. В. Арциховский (стр. 68), разграничить археологические остатки иранцев-алан и тюрков-хазар в салтовской культуре. Мы решительно ничего не знаем об этническом характере населения IV—II тысячелетий до н. э., занимавшего обширные пространства Восточной и Средней Европы и оставившего много обширных и локально ограниченных, неоднократно сменявшихся друг друга археологических культур, хотя по этому поводу высказано и высказывается огромное количество всевозможных недоказуемых гипотез (не только археологами, но и языковедами). Несовпадение археологических культур с языковой принадлежностью населения вполне понятно, поскольку язык не тождествен культуре как в узком, так и в широком смысле.

В отличие от археологии историческое языкознание, имея в своем распоряжении сравнительно-исторический метод, как правило, четко устанавливает этническую принадлежность племен и народов, родственные семьи и группы языков, то более, то менее правдоподобно реконструирует последовательный ход развития родственных языков, начиная с древнейшего языка-основы, выясняет сложные взаимосвязи и взаимодействия между языками, прежде всего родственными и затем неродственными, на различных ступенях их истории. Однако историческое языкознание само по себе, без материалов смежных дисциплин, не может ответить на ряд весьма существенных вопросов. Прежде всего оно почти не располагает средствами определять хронологию развития языковых явлений дописьменной эпохи. То, что называется относительной хронологией в сравнительно-исторических исследованиях, представляет собою главным образом установление (во многих случаях спорное и гипотетическое) последовательности тех или иных языковых изменений без конкретного определения их во времени. Лишь в частных случаях удается определить более или менее хронологически точно какое-либо изменение в языке (так, например, на основании заимствования нескольких слов общеславянским языком из германских языков считается, что дорсальное смягчение заднеязычных согласных в общеславянском языке в III—IV вв. н. э. было действующим фонетическим законом).

Большие затруднения возникают при попытке определить время начала распада индоевропейского языка-основы, возникновения общеславянского языка-основы и обособления его от других индоевропейских языков и вообще при локализации древних языковых общностей. Лингвистическая география дописьменных этапов развития языков находится еще в пеленках.

Совершенно очевидно, что только на основании языковых материалов нельзя решить основных проблем этногенеза, и вместе с тем язык является решающим признаком этнической характеристики племен и народностей. Из этого следует, что данные языка должны быть фактическим стержнем этногенетических исследований. Не случайно, что до засилья марристов в языкознании ведущими исследователями по вопросам этногенеза являлись лингвисты. Историческое языкознание накопило огромный фактический материал, значительная часть которого, особенно в лексике, но только при условии широкого использования достижений смежных дисциплин, может быть хронологизирована и локализована. Историко-лингвистических опытов с комплексным использованием данных истории, археологии, этнографии и т. д., как известно, было очень мало. И если эти опыты еще не дали определенных выводов, то на это есть свои причины.

Здесь не место касаться недостатков историко-лингвистических исследований по

вопросам этногенеза. Укажем лишь, что соотнесение языковых фактов с данными истории материальной культуры должно идти прежде всего и главным образом по линии раскрытия исторического содержания явлений языка, определения их во времени и пространстве. В этом заключается основная линия работы по этногенезу. Отправным пунктом (в методическом смысле) этногенетических исследований должны быть данные языка, поскольку признается, что язык — главный признак этнической общности.

Эта методическая посылка, конечно, вовсе не предопределяет исключительного, главенствующего положения лингвистов в разработке проблем этногенеза. Данные сравнительно-исторического языкознания пока что плохо поддаются хронологизации и локализации. Более того, вероятно, многое в истории развития языков древнейших (дописьменных) времен останется в хронологическом и локальном смысле не определенным и не определяемым. Нужно также всегда иметь в виду, что языковедам принадлежит исследование (своими специальными лингвистическими методами) важнейшей, но все же одной стороны этнического единства. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что правильное решение этногенетических проблем возможно лишь при условии выработки подлинно комплексного метода, создание которого диктуется всем ходом развития современной науки.

Возьмем для примера вопрос о территории поселения новгородских словен. Границы территории новгородских словен археология очерчивает прежде всего на основе географического расположения погребальных памятников в виде высоких курганов округло-конической формы. Если бы не сохранилось древней новгородской письменности и исторических сведений о словенах, то можно было бы сказать, что археология обнаружила локальную культуру погребений, этническая принадлежность которой является неизвестной или гадательной. Однако данные языкознания (в этом случае русской диалектологии) определяют этническую сторону строителей округло-конических погребальных курганов. Граница распространения указанных курганов почти полностью совпадает с изоглоссой характерного для современных новгородских говоров (в конечном счете восходящих к племенному диалекту словен) слова *сопка* «древний могильный курган». Древнерусское *съль* «насыпь» очень прозрачно в этимологическом отношении, являясь именным образованием от общеславянского глагола *сылати*. Характерно, что расширительное значение *съль* «любой холм округлой формы» фиксируется в письменных памятниках по крайней мере с XIII в., и это является прямым указанием на то, что исходное значение (могильный курган как искусственная насыпь) этого слова образовалось гораздо раньше XIII в. Исторические сведения о словенах совпадают с данными археологии и языкознания, и, таким образом, вопрос о локализации словен в главных своих чертах является окончательно решенным.

Приведенный выше пример показывает, чего нужно добиваться в комплексной работе по этногенезу. Конечно, когда объектом исследования являются этнические общности более ранних эпох, дело обстоит гораздо сложнее из-за скудости, а то и полного отсутствия каких-либо определенных данных, позволяющих давать этнические характеристики обнаруживаемых археологами древних материальных культур. Но все же мне представляется, что в перспективе мы можем надеяться на то, что и для более или менее обоснованного решения проблем этногенеза отдаленных дописьменных эпох будут добыты необходимые материалы. Из числа этих проблем очень важным для нас является вопрос о локализации и хронологизации древней общеславянской этнической общности. Одним из объектов (но, разумеется, не единственным) комплексного исследования древнего славянского этногенеза должны явиться материалы общеславянской лексики, исконной и заимствованной.

Реконструируемый сравнительно-историческим методом общеславянский язык имеет в своем словарном составе значительное количество слов, а также значений слов и особенностей словообразования, свойственных только этому языку или известных также лишь в отдельных, чаще всего соседних родственных языках. Реалии, обозначаемые некоторой частью этих слов, имеют прямое отношение к археологии, этнографии, палеозоологии, палеоботанике и другим научным дисциплинам. Ср., например, из названий металлов и минералов: *желъзо* (славяно-балт.), *олово* (славяно-балт.), *свинец*, *кремень* (возможна связь с германскими языками, где слово выступает в интересном значении: др.-сев. *skrāma* «топор») и др.; из названий орудий труда и построек: *гумно*, *кальть*, *стѣна* (готск. *stains* «камень»), *долото* (<*dolbto), *неводъ*, *ножь* (др.-прус. *nagis* «кремень»), *игла*, *острога*, *свердыло* и т. п.; из названий растений и деревьев: *блочь* «плющ», *вязь*, *дубъ*, *ель* (<*jedlb) (славяно-балт.), *липа* (славяно-балт.), *малина*, *осина* (славяно-балт.-герм.), *зрибъ*, *полюнь*, *посконъ*, *просо* (др.-прус. *prassan*), *пышеница*, *рожъ* (славяно-балт.-герм.), *горожь* (<*gorchъ), *Ачмень*, *Ачмель*, *хрынь* и т. д.; из названий животных: *волъ*, *кротъ*, *куница* (славяно-балт.), *ласица* «ласка», *Авъ* «барсук», *лиса*, *заѡць*, *псъ* «пес» и т. п. Изучение специфики общеславянской лексики позволит установить обширный и разнообразный круг особенностей и новшеств (в сравнении с древним индоевропейским языком-основой). Предстоит еще критически проверить этимологии этих слов, обобщить материалы, проследить закономерности развития словообразования и значений слов. Конечно, попытки приурочивать древних славян к определенному месту и времени при помощи использования словарных при-

меров делались неоднократно. Однако, во-первых, исследователи исходили не из общеславянской лексики в целом, а привлекали лишь единичные, обычно случайные (или тенденциозно) подобранные слова, во-вторых, реалии слов в подавляющем своем большинстве оказывались неизученными представителями смежных специальностей.

В предисловии и в некоторых статьях сборника усиленно подчеркивается, что разработкой проблем этногенеза занимаются археологи, а языковеды должны им «оказывать помощь» в создании комплексного метода изучения явлений этногенеза. Конечно, поднимать спор о том, кто должен вести основную, а кто вспомогательную работу в этногенетических исследованиях, совершенно неуместно. Занятия проблемами этногенеза определяются самой спецификой предмета и личными интересами и подготовкой отдельных исследователей — представителей смежных дисциплин. Впрочем нельзя считать нормальным, что в настоящее время изучение этногенетических проблем у нас находится почти в безраздельном ведении археологов. В этом повинны прежде всего языковеды. Археологи же, в свою очередь, пытаются «подменять» языковедов и решать такие вопросы, которые без основательной подготовки в области сравнительно-исторического языкознания не разрешимы. В связи с этим коротко остановимся на разборе других существенных недостатков сборника.

П. Н. Третьяков в своей статье, помещенной в сборнике, разбирает некоторые марксистские ошибки по вопросам этногенеза, а затем ставит вопрос о характере процессов языкового скрещивания в доклассовом обществе. По его мнению, в доклассовом обществе в процессе скрещивания не происходило победы одного языка над другим, а имела место своего рода «неполная ассимиляция»: «...язык более слабого племени либо сохранялся, но испытывал на себе очень сильное влияние языка более сильного племени, или же слабое племя получало новый язык, сохраняя в нем много численные элементы старого языка» (стр. 42). «Такие же явления наблюдались и в области культуры. Другими словами, нам кажется, что теория субстрата и суперстрата, разработанная в лингвистике, в наибольшей степени применима именно к эпохе первобытно-общинного строя» (там же). Автор не настаивает на своем предположении, считая его только гипотезой. Однако и как гипотеза это предположение не может быть приемлемым, поскольку такого рода своеобразное «неполное скрещивание» или «полускрещивание» нельзя подкрепить какими-либо языковыми фактами.

В истории языков, в том числе у остальных племен, засвидетельствована своеобразная «неполная ассимиляция» (если употреблять этот термин) лишь при взаимоотношениях друг с другом близко родственных диалектов. Что же касается теории субстрата и суперстрата (кстати, мало разработанной и по-разному трактуемой), то к вопросу о «неполной ассимиляции» она не имеет никакого отношения. Тем более неосновательно приравнивать к «полускрещиванию» неродственных или разошедшихся в своем развитии родственных языков к явлениям культуры, хотя бы и первобытной.

Между тем П. Н. Третьяков на основании своей неправильной гипотезы, говоря об огромном культурном влиянии на местное население вторгшихся с Дуная или Балкан трипольцев, полагает, что «их язык, несомненно, также должен был оказать серьезное влияние на местное население» (стр. 43). О языке (или языках?) трипольцев науке пока что ничего не известно, но даже и чисто гипотетически нельзя думать, чтобы огромное (так ли?) хозяйственное и культурное влияние этих племен обязательно сопровождалось серьезным языковым воздействием на языки (тоже неизвестные) старого местного населения. Кстати заметим, что в статье А. В. Арциховского определенно говорится о том, что образование семей языков происходило «на основе каких-то языков-победителей» (стр. 66). Это не единственное существенное противоречие между авторами различных статей сборника, которое ответственный редактор А. Д. Удальцов оставил без внимания.

В статье П. Н. Третьякова теория «неполной ассимиляции» перекликается с теорией «главных и второстепенных» предков славян. П. Н. Третьяков правильно критикует марксистские измышления насчет «перевоплощения» в славян разнородных племен и народностей древности, которые будто бы были равноценными предками славян. Но он делает странную, на наш взгляд, поправку к тому, чего нельзя поправить. Относя к главным предкам славян неуров, лугиев и венедов, П. Н. Третьяков считает, что у славян были и второстепенные предки — скифы, сарматы, фракийцы и ряд других более поздних причерноморских племен и народностей, в том числе и тюркоязычных (стр. 32—35). Очень вероятно, что какая-то часть скифов, сарматов и других племен утратила свои языки и влилась в славянскую этническую общность. Однако что же изменили эти древние племена и народности в славянской этнической общности, в каком смысле их следует считать «строительным материалом при возникновении славянских народов»?

Сам П. Н. Третьяков правильно считает, что древние языки этих племен и народностей «при встрече со славянским языком потеряли поражение и исчезли почти без остатка». Следовательно, скифы, сарматы и др. в языковом отношении не могут считаться ни второстепенными, ни третьестепенными предками славян. У нас нет основания полагать, что в результате ассимиляции части скифов, сарматов и иных племен и народностей произошли какие-либо существенные изменения и других (второстепенных)

признаков этнической славянской общности. Нам представляется, что теории «неподходящей ассимиляции» и «главных и второстепенных предков» представляют собою неудачную попытку установить генетические связи (преемственность) как между древне-славянскими археологическими культурами и более ранними археологическими культурами, «немцами» в этническом отношении, так и культурами, одновременно древне-славянским. Такого рода попытки и «поправки» прежних ошибочных взглядов легко могут привести к той же путанице понятий об этногенезе, которая господствовала у археологов-марристов.

В статье Т. С. Пасека «О марровских ошибках в изучении трипольских племен» также поднимается общий вопрос о соотношении археологических культур с этническими общностями применительно к трипольцам. Автор считает, что дальнейшее изучение локальных вариантов археологической культуры населения, условно называемого трипольским, даст возможность выявить своеобразие родственных трипольских племен. Однако тут же указывается, что вопрос, можно ли в археологических культурах, в том числе и трипольской, видеть реальное отражение этнической общности племен или родственных племен, остается еще нерешенным (стр. 113). Если этот вопрос для археологов является нерешенным, то какими же способами археологические исследования могут привести к определению этнической принадлежности «трипольцев» и даже к выяснению своеобразия среди них родственных племен? На стр. 113 Т. С. Пасек пишет: «При современном состоянии наших знаний у нас пока нет оснований утверждать о принадлежности древнейших племен Днепровско-Дунайского бассейна к какой-либо из групп народов, говоривших на индоевропейских или доиндоевропейских (? — Ф. Ф.) языках». Очевидно, что этническую принадлежность трипольцев можно было бы определить только на основании лингвистических данных (если бы таковые оказались). Но, к сожалению, ни Т. С. Пасек, ни авторы других статей сборника не отвечают на вопрос, какие же особенности этих культур могут служить объективными показателями этнических общностей.

С этим кругом проблем частично перекликается статья А. В. Арпиховского. Однако вряд ли можно пройти мимо следующего, чересчур категорического утверждения автора: «Древняя множественность (поскольку древних родов было много) принадлежит к основным положениям марксистского языкознания...» (стр. 65). Во-первых, требует пояснения так называемая древность, ибо неясно, что под нею подразумевается: период ли родовых языков в эпоху матриархата или патриархата, или период первоначального возникновения различных языковых групп. Во-вторых, поскольку дело касается эпохи существования первоначальных родов и, следовательно, родовых языков, то не может считаться доказанным, что древних родов в количественном отношении якобы было больше, нежели более поздних племен и даже народностей, ибо в глубокой древности вследствие крайне низкого уровня условий материальной жизни народонаселения на земле, несомненно, было очень мало. В-третьих, было бы наивным считать, что положение о родовых языках означает наличие у каждого рода своего отдельного языка, генетически совершенно не связанного с другими языками: данные этнографии и языкознания свидетельствуют о том, что несколько родов обычно говорят на диалектах одного и того же языка или на близко родственных языках.

Б. Б. Пиотровский в своей статье на конкретных материалах убедительно показывает порочность взглядов Н. Я. Марра и его последователей в вопросе о содержании и назначениях различных символических знаков на памятниках древней материальной культуры, в том числе в вопросе о пиктографическом письме. Впрочем статью Б. Б. Пиотровского нельзя считать бесспорной, а одно место в ней вызывает явное недоумение. Автор пишет: «...Марр, взяв схему развития средств передвижения, установленную в археологии, пытался ее перенести в языкознание и обосновать языковым материалом... Таким образом, он установил переход названия на функции тяглового животного — от собаки, оленя, быка и до лошади, расположив эти термины в ряд, который можно довести до «парового коня». Но этот правильный ряд элементов одинаковой функции, расположенных в исторической последовательности, не может быть просто иллюстрирован языковым материалом, т. е. переходом термина с собаки на оленя, с оленя на быка и т. д.» (стр. 123—124). Как указывает Б. Б. Пиотровский, дело обстоит гораздо сложнее: коптское *hto* «лошадь» восходит к древнеегипетскому *ht* (*htj*) «запряжка лошадей», первоначально — «запряжка быков». В данном случае нет перехода термина «бык» на «лошадь», а налицо только переход значения по линии парной запряжки. Что же касается ряда *собака—олень—бык*, то автор не приводит (вероятно, и не может привести) соответствующих примеров. Но верно ли, что археология установила исторически последовательный и правильный ряд смены тягловых животных: собака — олень — бык — лошадь?

А. В. Арпиховский по этому поводу пишет в рецензируемом сборнике: «Поэтому даже марристам было трудно привести примеры археологических выводов, полученных на основе теории Марра. Пример всегда приводился один и тот же: замечания Марра о средствах передвижения... Домашние животные интересовали Марра, как средства передвижения. Основываясь на все тех же четырех элементах, он доказывал, что таким средством сначала были собаки, а затем их сменили лошади... Однако этнография,

изучившая много примитивных племен, знакомых с собаками и незнакомых с лошадьми, знает ездовых собак только в Арктике, применение их в условиях умеренного климата затруднительно, а собачья сбруя археологам неизвестна. Предшественниками лошадей у Марра являются также олени. Эта гипотеза не столь оригинальна, Марр здесь следовал за Сирелиусом и Таном-Богоразом, но они говорили лишь о странах холодного климата, да и то неубедительно, а Марр чрезмерно обобщил их предположения» (стр. 52—53).

Таким образом, Б. В. Пиотровский, признавая правильной марровскую схему развития средств передвижения, идет вразрез с данными археологии и этнографии и повторяет домыслы Н. Я. Марра в сборнике, посвященном критике вульгаризаторских концепций Н. Я. Марра, попутно приписывая археологии то, чего она никогда не устанавливала!

Как видно из вышеизложенного, сборник статей «Против вульгаризации марксизма в археологии» имеет существенные недостатки, которые значительно снижают его научную ценность.

Ф. П. Филин

А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*. Перевод с французского В. В. Бородич. Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 447 стр.

Среди оригинальных трудов по старославянскому языкознанию, вышедших на русском языке за последние три-четыре года, — мы имеем в виду труды крупнейших славистов нашего времени, ныне уже покойных: советского ученого А. М. Селищева и французского языковеда А. Мейе¹ — работа известного французского слависта А. Вайана занимает особое место. В то время как основным содержанием трудов А. М. Селищева и А. Мейе является сравнительно-историческое изучение фонетики и грамматического строя старославянского языка — изучение, в ходе которого старославянские языковые факты рассматриваются не только по отношению к общеславянскому языку-основе, но и по отношению к языку общендоевропейскому, труд А. Вайана посвящен собственно старославянскому языку, поскольку о нем можно судить по данным дошедших до нас памятников этого языка.

Сам автор характеризует свой труд как «чисто описательную грамматику», в которой он отказывается от сравнения старославянского языка не только с другими индоевропейскими языками, но даже и со славянскими. Автор использует только внутриязыковые сравнения. «Исторические объяснения посредством праславянского языка... заменены здесь... наблюдениями над чередованиями и вариантами форм, существующими в языке» (стр. 13)². Однако было бы ошибочным заключить из сказанного, что А. Вайан вовсе отказывается от исторического освещения фактов старославянского языка. «Старославянский язык IX—XI вв., — пишет он далее, — эволюционирует к языку среднеславянскому, к состоянию, значительно отличающемуся от предыдущего. Поэтому в этой грамматике много элементов истории и сравнений». Таким образом, чисто описательный характер грамматики А. Вайана своеобразен. Она является не описательной грамматикой старославянского языка в обычном значении этих слов, а, в сущности, исторической грамматикой, однако такой, которая охватывает период продолжительностью всего около трех столетий и составлена исключительно на основании данных памятников старославянской письменности.

Указанными особенностями книги А. Вайана и определяется положение и значение этого труда среди названных выше и других трудов по старославянскому языкознанию. Избранное А. Вайаном направление в построении «Руководства по старославянскому языку» не только вполне правомерно в научном отношении, но на том уровне науки о старославянском языке, которого она в наши дни достигла, это направление является и очень актуальным. Создание исчерпывающей описательной грамматики старославянского языка является одной из важнейших и первоочередных задач науки о старославянском языке.

В книге А. Вайана, кроме «Введения» (стр. 15—25), содержатся следующие четыре части: I. «Фонетика» (стр. 27—102), II. «Именные формы» (стр. 103—245), III. «Глагольные формы» (стр. 246—388), IV. «Фраза» (стр. 389—413). В разделах по

¹ А. М. С е л и щ е в, *Старославянский язык*, М., Учпедгиз: ч. I—1951; ч. II—1952; А. М е й е, *Общеславянский язык*, перевод с второго франц. изд., просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951.

² Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даем ссылки на страницы книги А. Вайана.